

УДК 911.3(571)

<https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.40>

Сибирь в концепции Большой Евразии*

А. Н. Фартышев

*Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, Российская Федерация
Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация*

Аннотация. Анализируются современное состояние, потенциальные выгоды и возможности для сибирского макрорегиона в рамках концепции формирования пространства Большой Евразии, анонсированной В. В. Путиным в 2016 г. Анализ проводится по четырем ключевым аспектам – политико-географическому, геостратегическому, геоэкономическому и институциональному. Первый заключается в аморфности самого понятия Большой Евразии, в трактовках которой Сибирь занимает полупериферийное место, поскольку главный акцент большеевразийского дискурса направлен на международную консолидацию прежде всего в Центральном-Азиатском регионе. В рамках интеграционных процессов основными препятствиями являются значительная дифференциация внешнеполитических стратегий государств ядра Большой Евразии и геополитические интересы Сибири, заключающиеся в первую очередь в уходе от позиционирования как экспортно-ресурсного региона, с одной стороны, и конкуренции за рынки сбыта с другими странами Большой Евразии, с другой стороны, что ставит под сомнение консолидирующую роль этой концепции. Тем не менее геоэкономическая роль Сибири может быть улучшена вследствие развития экономической интеграции. Анализ по уровню переносимости и транспортабельности экспорта Сибирского федерального округа показал, что повышенный ценностный компонент на единицу веса экспорта наблюдается именно в экспорте в страны с высокой степенью экономической интеграции. Последний, четвертый аспект состоит в отсутствии институционального оформления инициативы Большой Евразии, вследствие чего она не может эффективно продвигаться, особенно это касается сибирских регионов, и возможные направления усовершенствования этого аспекта предложены в статье.

Ключевые слова: политическая география, геополитика, евразийская интеграция, Экономический пояс Шелкового пути, экспорт, региональное развитие, геоэкономика, институциональный фактор.

Для цитирования: Фартышев А. Н. Сибирь в концепции Большой Евразии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2021. Т. 37. С. 40–49. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.40>

Введение. Считается, что термин «Большая Евразия» в политологический обиход внесли эксперты Валдайского клуба и Высшей школы экономики в 2015 г., хотя еще в 2014 г. в зарубежной научной литературе это по-

* Исследование выполнено за счет гранта РФФИ и МОКНСМ (проект № 20-55-44023) «Географические особенности формирования опорного каркаса хозяйства, расселения и природопользования России (Сибирь) и Монголии в условиях внутриконтинентального положения и усиления евразийских интеграционных процессов».

нятие фигурировало. В 2016 г. в ходе Петербургского международного экономического форума Президент России Владимир Путин объявил об идее Большой Евразии, которая с тех пор была названа интеграционным проектом от Атлантики до Тихого океана. Проект «Большая Евразия» (или, как его иногда называют, «Большое евразийское партнерство») подразумевает создание сети зон свободной торговли, межблоковых торгово-экономических партнерств и сопряжение региональных интеграционных процессов на всем Евразийском материке. Большой вклад со стороны научного сообщества в разработку идеи Большой Евразии внесли Л. А. Безруков [10], А. В. Лукин [13], И. Ф. Кефели [4] и др.

Чаще всего дискурс о Большой Евразии лежит в рамках сопряжения ЕАЭС, ШОС, ЕС и китайской инициативы «Один пояс. Один путь». Вместе с тем роль Сибири как крупнейшего региона Северо-Восточной Евразии и проблемной с экономической точки зрения территории в данном мегапроект-концепции оказывается неустановленной, и ее выявление является целью данной статьи. Выделим четыре основных аспекта – политико-географический, геостратегический, геоэкономический и институциональный, которые будут рассмотрены нами далее.

Проблема политико-географической делимитации Большой Евразии. Географически Большая Евразия была описана американским географом Эмерсоном в 2014 г. [11]. Он опирался на первые известные ныне карты мира, описанные еще древнегреческим мыслителем Страбоном. В них отражена Европа, Азия до Индийского полуострова (Китай тогда не был еще открыт древними греками благодаря горным хребтам, отгораживающим китайскую цивилизацию от индо-европейской арены) и населенная часть Северной Африки. Эмерсон заключает, что эта территория плюс Китай и есть ментальная карта Евразии, хотя во времена Страбона современная Сибирь и Дальний Восток России, разумеется, составляли для греков terra incognita. Малая Евразия будет состоять только из тех государств и народов, которые в какой-то степени уже идентифицируют себя как евразийцы, включая Россию, Казахстан и Турцию. В понятие Большой Евразии американский географ также включил Австралию, которая географически явно не относится к Азии, но жители которой могут считаться «новыми евразийцами». Благодаря обширному жесткому и мягкому влиянию на Евразийский континент США и Канады возможен также концепт «Большая Евразия +2», хотя такое понятие впоследствии не прижилось [Там же].

В ряде исследований Большая Евразия является прямым противопоставлением концепции Большой Европы от Лиссабона до Владивостока [12; 15]. Л. А. Безруковым в Большую Евразию включены страны, входящие в два крупных интеграционных объединения ЕАЭС и ШОС, в том числе наблюдатели [10], причем в этом понимании исключаются Европа, Турция, Ближний Восток и страны Юго-Восточной Азии. Таким образом, Большая Евразия становится меньше просто Евразии как континента. Однако, ввиду того что именно эти страны являются основными двигателями евразийских объединительных процессов, их можно выделить в ядро Большой Евразии.

Но согласно классификации ООН Большая Евразия имеет более расширенное толкование – в нее входят 48 стран Европы, 50 – Азии и 7 – Северной Африки.

Так или иначе, Сибирь, являясь макрорегионом России, в рамках делимитации границ Большой Евразии входит в нее, но занимает скорее полупериферийное положение. Несмотря на то что проблемам Сибири и Дальнего Востока в основополагающем докладе Валдайского клуба посвящен отдельный раздел¹, главный пул мероприятий направлен в первую очередь на геополитическое объединение именно Центральной Азии, которая выступает предметом споров о зонах влияния между Китаем, Россией и третьими странами. Сибирь же выступает объектом внимания преимущественно в следующих случаях:

- в вопросе российско-китайских отношений, поскольку является промежуточным звеном в транзитных коридорах между Китаем и Европой;
- в вопросе взаимоотношений со странами АТР (прежде всего с Японией и Южной Кореей) как мост к тихоокеанским портам России и как минерально-ресурсная база для экспорта сырья за рубеж;
- в вопросе российско-монгольского сотрудничества, которое, несмотря на исключительную важность в контексте формирования единой Большой Евразии, имеет тенденцию скорее к стагнации, чем к развитию.

Это означает, что включенность Сибири в проект Большой Евразии довольно опосредован. Несмотря на ограниченную субъектность Сибири в международных отношениях, она обладает своими геополитическими и геоэкономическими интересами, которые будут раскрыты нами далее.

Как справедливо замечает Эмерсон, «спросите китайца или француза, чувствует ли он себя евразийцем, ответ будет кратким и отрицательным» [11]. Поэтому Евразия – актуальный дискурс именно для внутриконтинентальных территорий, и по мере удаления от центра Евразии этот дискурс становится все менее актуальным. Потому он особенно важен для Сибири. Это известный в географии образ «эффект сосиски», согласно которому типологические характеристики ослабевают по мере удаления от центра и приближения к границе [5]. Это означает, что проект будет встречать политическое сопротивление от стран, удаленных от сердца Евразии и заинтересованных в продвижении своей стратегической линии. Для стран Европы, в соответствии с их политической культурой, важнее сиюминутные политические события, происходящие в России, такие как критика в отношении заключения в тюрьму оппозиционных лидеров или уровень либеральных свобод, чем вопросы межконтинентальной интеграции. Эта особенность отмечается как в России, так и в других странах Большой Евразии².

¹ К Великому Океану – 5: от поворота на восток к Большой Евразии. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, сентябрь 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17048/> (дата обращения: 06.07.2021).

² The Hindu (Индия): Кремль теперь предпочитает говорить о том, что Россия смотрит на Восток // ИноСМИ. URL: <https://inosmi.ru/politic/20210310/249302524.html> (дата обращения: 06.07.2021).

Проблема стратегического единства в Большой Евразии. Если проект единой Европы по факту осуществился, то почему вся Евразия не может повторить этот опыт? Основная проблема для консолидации Большой Евразии заключается в том, что ее пространство настолько раздроблено и геополитические стратегии стран индивидуальны, что это представляет проблему для евразийской интеграции на общем начале. Если для Китая это вопрос международного лидерства, что выражается в концепции «единой судьбы человечества» [6] и переходе от взаимоотношений с державами к взаимоотношениям со странами реципиентами³, для Индии это продолжающаяся уже более 50 лет «политика неприсоединения» (что, впрочем, не мешает ей участвовать в международных политических организациях), для Монголии это вопрос «поиска третьего соседа», что закреплено в ее Концепции внешней политики [7]. Внешнеполитическая стратегия Казахстана, принятая в 2020 г., провозглашает новый принцип – закрепления за собой статуса лидирующего государства в регионе [3]. Аналогичная позиция прослеживается и во внешнеполитической стратегии Узбекистана при сохранении позиции неприсоединения к структурам, создаваемым «по подобию СССР» [2]. У Туркменистана еще более четкая внешнеполитическая позиция нейтралитета и неприсоединения, сочетающаяся с высокой степенью закрытости страны. Таким образом, инициатива Большой Евразии в самой ее сердцевине имеет существенные геополитические противоречия из-за разности стратегического видения государств.

Сибирь как часть России хотя и не имеет собственной геополитической стратегии, но ее интересы заключены в концепциях долгосрочного планирования, например Стратегии развития Сибири, где выражены цели диверсификации экономики за счет опережающего развития обрабатывающих производств, таким образом провозглашающие уход от экспортно-сырьевой зависимости (что является экономической специализацией Сибири) и расширение мощности транспортно-логистических коридоров Запад – Восток и Север – Юг и сибирского транзита грузо- и пассажиропотока между Юго-Восточной Азией, Западной Европой и Северной Америкой. Решает ли инициатива Большой Евразии эти проблемы?

В упомянутом ранее докладе Валдайского клуба действительно актуализируются эти проблемы Сибири. Более того, признается, что «в государственной повестке Сибири уделяется меньше внимания по сравнению с Дальним Востоком»⁴, а инициатива Большой Евразии является средством предотвращения «континентального проклятья» Сибири. Однако транзитная роль Сибири в евразийских проектах оказывается сомнительной, поскольку ныне строящийся коридор через территорию Казахстана обладает большей выгодностью ввиду меньшей длины, чем Транссибирский маршрут. Вдоба-

³ Се Тао Внешняя политика Китая «по Си Цзиньпину» // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2018/01/23/ru-pub-75325> (дата обращения: 06.07.2021).

⁴ К Великому Океану – 5: от поворота на восток к Большой Евразии. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, сентябрь 2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17048/> (дата обращения: 06.07.2021).

вок к этому рост транспортной доступности Сибири без создания реальных производств на территории самой Сибири окажет обратное воздействие и может лишь усилить вывоз природных ресурсов из нее [8].

Кроме того, многие страны ядра Большой Евразии, так же как Сибирь и Дальний Восток России, являются экспортерами минерального сырья. Так, например, с 2015 г. в Монголии активно разрабатывается золотомедное месторождение Ою Толгой, крупнейшее в мире по разведанным запасам меди⁵, а в 2020 г. началась разработка крупнейшего в России Удоканского месторождения меди в Забайкальском крае, являющегося третьим в мире по аналогичному показателю⁶. Таким образом, возникает конкуренция ресурсных баз за цены, пути сообщений и рынки сбыта внутри самого евразийского пространства. В этом заключается и отличие евразийской интеграции от успешного европейского опыта.

Геоэкономическое значение Сибири в Большой Евразии. Так или иначе, первоочередное значение дискурса о Большой Евразии лежит в экономическом поле. В геоэкономическом плане для Сибири чрезвычайное значение имеет уход от экспортно-сырьевой направленности развития и в рамках концепции Большой Евразии Сибирь имеет хорошие перспективы для этого. На рис. 1 показана структура экспорта Сибири в страны ядра Большой Евразии по уровню передела в 2020 г. (страны представлены по географическому принципу в порядке широтного расположения с востока на запад).

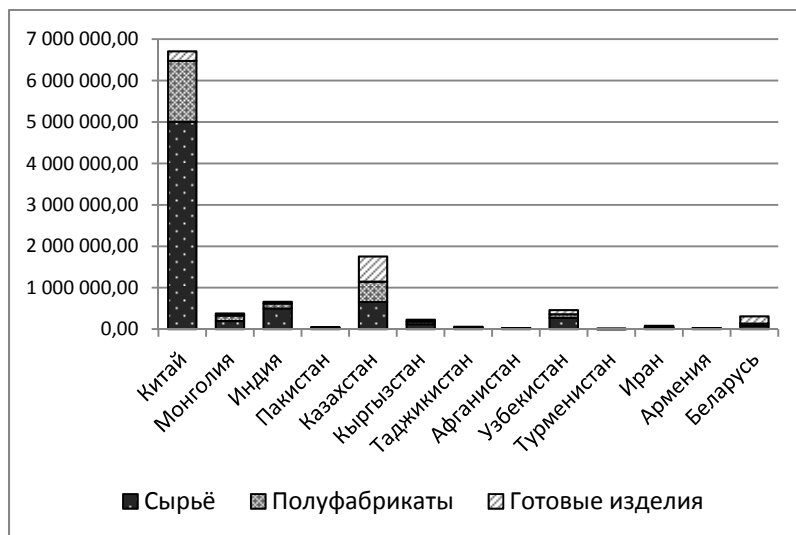

Рис. 1. Структура экспорта по уровню передела СФО в 2020 г. (в тыс. долл.).
Рассчитано по данным Сибирского таможенного управления

⁵ Монголия предложила Rio Tinto пересмотреть сделку по месторождению Ою Толгой // Интерфакс. 08.02.2021. URL: <https://www.interfax.ru/business/749910> (дата обращения: 06.07.2021).

⁶ В Забайкалье началась разработка крупнейшего в России месторождения меди // ТАСС. 10.08.2020. URL: <https://tass.ru/ekonomika/9159743> (дата обращения: 06.07.2021).

Рисунок 1 демонстрирует, что объем экспорта сырьевых товаров из СФО в Китай превышает весь суммарный экспорт всех других стран ядра Большой Евразии (в основном за счет экспорта нефти, природного газа и угля). В то же время доля готовой продукции в экспорте СФО с Казахстаном (34 %), Беларусью (55 %), т. е. непосредственными партнерами по ЕАЭС, является наиболее высокой. Также высоки соответствующие доли в экспорте в Армению, Узбекистан и Иран, однако общий объем торговли с ними мал, и развитие процессов экономической интеграции способствует общему росту взаимовыгодного сотрудничества.

Но необходимо признать, что не всегда более высокая степень передела соответствует экономической выгоде. Для экономики ультраконтинентальной Сибири, для которой транспортные издержки чрезвычайно высоки, большее значение имеет транспортабельность ее экспорта, понимаемая, согласно П. Хаггету, как относительная возможность преодоления расстояния товарами, выражаемая через цену единицы его веса [9]. Например, редкоземельные и драгоценные металлы обладают высокой ценностью за единицу веса, а следовательно, высокой транспортабельностью, хотя и являются сырьевым товаром. Группировка товаров по относительной транспортабельности проведена Л. А. Безруковым [1, с. 162–163]. На рис. 2 представлена структура экспорта СФО по уровню транспортабельности.

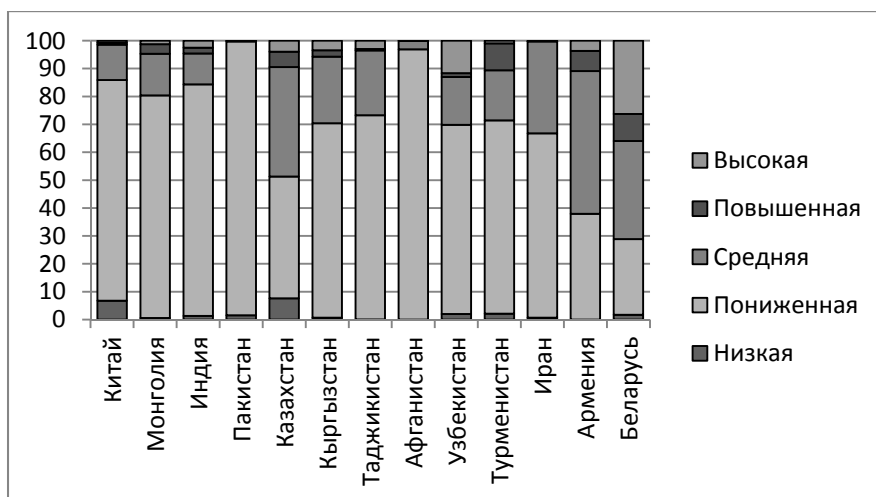

Рис. 2. Относительная транспортабельность экспорта СФО в страны ядра Большой Евразии в 2020 г. (в процентах). Рассчитано по данным Сибирского таможенного управления

Можно отметить, что практически весь экспорт из СФО обладает пониженной транспортабельностью благодаря преобладанию в его товарной структуре нефтепродуктов и металлов. Безусловно, на структуру экспорта влияет и непосредственный ассортимент производимых товаров непосредственно в самом СФО. Но повышенная транспортабельность экспортных товаров наблюдается именно с партнерами Российской Федерации по

Евразийскому экономическому союзу – Казахстаном, Арменией и Беларусью. Этому способствует уже не только географическая близость, что доказано было Л. А. Безруковым [1], данное обстоятельство напрямую коррелирует с высоким уровнем экономической интеграции между странами.

Институциональный фактор сотрудничества в рамках Большой Евразии. Однако любая позитивная концепция в современных реалиях упирается в важный фактор институционализации. Именно недостаток и несовершенство форм реализации стратегий развития как Сибири, так и отдельных ее регионов тормозит их реальное социально-экономическое развитие, и в первую очередь именно институтов управления [14]. Если в рамках Экономического пояса Шелкового пути созданы реальные инструменты ее реализации, такие как Фонд Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, в рамках ШОС действует Деловой совет, проводятся экономические форумы ШОС, то в рамках концепции Большой Евразии таких организационных форм за пять лет ее существования так и не было создано. В России была утверждена должность посла по особым поручениям МИД России по делам Большой Евразии, которую занял бывший специальный представитель Президента России по делам Шанхайской организации сотрудничества К. М. Барский.

В вопросе продвижения интересов Сибири в рамках Большой Евразии можно выделить две группы институционального оформления: это ныне существующие структуры и потенциальные.

Из разряда действующих это в первую очередь губернаторская власть, которая в современной вертикально ориентированной структуре власти в России является ведущим звеном в формировании региональной повестки. Второе – это институт полномочных представителей президента, который к 2021 г. уже утратил свое былое значение⁷, однако является единственной властной структурой консолидированного сибирского макрорегиона. Третье – это региональные представительства Министерства иностранных дел, поскольку Большая Евразия является именно внешнеполитическим конструктом.

Среди потенциальных институтов управления следует отметить создание форумов и советов Большой Евразии для выстраивания диалога не только на межгосударственном уровне, но и межрегиональном. Позитивный опыт Министерства Дальнего Востока позволяет утверждать, что формирование особого отдельного министерства Сибири может эффективно заменить упомянутых полпредов и представлять интересы всего макрорегиона на международной арене.

Заключение. Сибирь как макрорегион является чрезвычайно важным регионом Большой Евразии, но она имеет собственные геополитические интересы, заключающиеся в первую очередь в уходе от позиционирования себя как экспортно-ресурсного региона и конкуренции за рынки сбыта с другими странами Большой Евразии. Это создает определенные проблемы для

⁷ Афанасьев С. «Полпреды – рудимент прошлого времени, но...»: пандемия повернула на 90 градусов вертикаль власти в России // Реальное время. 18.05.2020. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/174778-pochemu-institut-polpredov-stal-mestom-dlya-otstavok> (дата обращения: 06.07.2021).

формирования единого пространства Большой Евразии и эффективного встраивания в нее Сибири. Так или иначе, была обнаружена связь между уровнем международной экономической интеграции и уровнем передела экспортных товаров и транспортабельностью экспорта Сибирского федерального округа с соответствующими странами, а это означает важность евразийских интеграционных процессов для макрорегиона. К сожалению, институционального оформления концепция Большой Евразии пока не находит и остается на уровне рамочной инициативы.

Несмотря на несовершенство концепции Большой Евразии, дискурс создает позитивный информационный шум в рамках международного диалога. Хотя Сибирь предстает в современном пространстве Большой Евразии в большей мере ресурсным регионом, но дискурс о Большой Евразии смещает точки притяжения международных интересов. В китайских инициативах Экономического пояса Шелкового пути ее позиционирование выглядит еще более невыгодно, хотя и китайские инициативы заметно притормаживают. В действительности Сибирь нуждается не в коридорах, она нуждается в полноценном развитии.

Список литературы

1. *Безруков Л. А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск : Акад. изд-во «Гео», 2008. 369 с.
2. *Ионова Е.* Внешнеполитические приоритеты Узбекистана // *Мировая экономика и международные отношения.* 2018. № 2. С. 80–96. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2018-2-80-96>
3. *Жакупов Р. К.* Казахстанское видение концепции «Большая Евразия» // *Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология.* 2020. № 1 (130). С. 124–136.
4. *Кефели И. Ф., Шевченко Н. Н.* Большая Евразия: цивилизационное пространство, объединительная идеология, проектирование будущего. СПб. : Петрополис : Геополитика и безопасность, 2018. 220 с.
5. *Колосов В. А.* Географические образы и геополитические представления: пути формирования и подходы к изучению // *Вестник Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии.* 2008. № 1 (1). С. 72–91.
6. *Печерица В. Ф.* Концепция Си Цзиньпина «сообщества единой судьбы человечества»: от идеи до практического воплощения. Владивосток : Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2020. 224 с.
7. *Родионов В. А., Аюшиева И. Г.* «Третий сосед» Монголии как идейно-политический концепт // *Вестник Томского государственного университета.* 2017. № 420. С. 125–130.
8. *Фартышев А. Н.* Иркутская область в концепции «Экономический пояс шелкового пути» и проекте «Новый Ангарстрой» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение.* 2018. Т. 26. С. 37–45.
9. *Хэггет П.* Пространственный анализ в экономической географии. М. : Прогресс, 1968. 392 с.
10. *Bezrukov L. A.* The geographical implications of the creation of “Greater Eurasia” // *Geography and natural resources.* 2018. Vol. 39, N 4. P. 287–295.
11. *Emerson M.* Toward a Greater Eurasia // *Global Journal of Emerging Market Economies.* 2014. Vol. 6, N 1. P. 35–68. <https://doi.org/10.1177/0974910113511193>
12. *Krickovic A., Pellicciari I.* From “Greater Europe” to “Greater Eurasia”: Status concerns and the evolution of Russia’s approach to alignment and regional integration // *Journal of Eurasian Studies.* 2021. Vol. 12, Iss. 1. P. 86–99. <https://doi.org/10.1177/1879366521998808>

13. *Lukin A.* Eurasia – from confrontation to partnership // *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9, N 2. P. 83–84.

14. *Syssoeva N. M.* Institutional problems of regional development in Russia // *Quaestiones Geographicae*. 2010. Vol. 29, N 2. P. 19–25.

15. *Tsvyk A. V.* 'Greater Europe' or 'Greater Eurasia'? In search of new ideas for the Eurasian integration // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2018. Т. 18, № 2. С. 262–270.

Siberia in Conception of Greater Eurasia

A. N. Fartyshhev

*V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk, Russian Federation
Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation*

Abstract. The article analyzes the current state, potential benefits and opportunities for the Siberian macro-region within the framework of the concept of the formation of the space of Greater Eurasia announced by V.V. Putin in 2016. The analysis has been carried out on 4 main aspects – political-geographical, geostrategic, geo-economic, and institutional ones. The first one lies in amorphousness of the concept of Greater Eurasia. In its interpretations Siberia occupies a semi-peripheral place since the emphasis of the Greater Eurasian discourse is placed on international consolidation, primarily in the Central Asian region. In the context of integration processes one of the main obstacles is a significant differentiation of foreign policy strategies of the states forming the core of Greater Eurasia, and geopolitical interests of Siberia, which primarily consist in avoiding positioning itself as an export-resource region on the one hand, and competing for sales markets with other countries of Greater Eurasia on the other hand, which casts doubt on the consolidating role of this concept. Nevertheless, the geo-economic role of Siberia can be improved due to the development of economic integration. The analysis of the level of redistribution and transportability of exports of the Siberian Federal District showed that it is the increased value component per unit of export weight that is observed in exports to countries with a high degree of economic integration. The fourth aspect is the lack of institutionalization of the Greater Eurasia initiative, as a result of which it cannot be effectively promoted, it is especially true about Siberian regions. Possible directions for improving this aspect have been proposed in the article.

Keywords: political geography, geopolitics, Eurasian integration, the Silk Road Economic Belt, export, regional development, geo-economics, institutional factor.

For citation: Fartyshhev A.N. Siberia in Conception of Greater Eurasia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2021, vol. 37, pp. 40-49. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2021.37.40> (in Russian)

References

1. Bezrukov L.A. *Kontinentalno-okeanicheskaya dikhotomiya v mezhdunarodnom i regionalnom razviti* [The continental-oceanic dichotomy in international and regional development]. Novosibirsk, Geo Publ., 2008, 369 p. (in Russian)
2. Ionova E. Vneshnepoliticheskie priority Uzbekestana [Foreign policy priorities of Uzbekistan]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations], 2018, no. 2, pp. 80-96. (in Russian)
3. Zhakupov R.K. Kazakhstanskoe videnie kontseptsii “Bolshaya Evraziya” [Kazakhstan’s vision of the concept “Great Eurasia”]. *Vestnik Evraziyskogo natsional'nogo universiteta im. L.N. Gumileva. Seriya: Politicheskie nauki. Regionovedenie. Vostokovedenie. Tyurkologiya* [Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political science, regional studies, oriental studies, turkology series], 2020, no. 1 (130), pp. 124-136. (in Russian)
4. Kefeli I.F., Shevchenko N.N. *Bolshaya Evraziya: tsivilizatsionnoe prostranstvo, ob"edinitel'naya ideologiya, proektirovanie budushchego* [The Greater Eurasia: civilization

space, integration ideology, projecting of future]. Saint-Petersburg, Petropolis Publ., Geopolitics and safety Publ., 2018, 220 p. (in Russian)

5. Kolosov V.A. Geograficheskie obrazy i geopoliticheskie predstavleniya: puti formirovaniya i podkhody k izucheniyu [Geographic images and geopolitical representations: ways of formation and approaches to study]. *Vestnik Dalnevostochnoy gosudarstvennoy sotsialno-gumanitarной akademii* [Bulletin of the Far Eastern State Social and Humanitarian Academy]. 2008, no. 1, pp. 72-91. (in Russian)

6. Pecheritsa V.F. *Kontseptsiya Si Tszinpinga "soobshchestva edinoй sudby chelovechestva": ot idei do prakticheskogo voploshcheniya* [Xi Jinping's concept of the "community of the common destiny of humanity": from idea to practical implementation]. Vladivostok, DVFU Publ., 2020, 224 p. (in Russian)

7. Rodionov V.A., Ayushieva I.G. "Tretiy sosed" Mongolii kak ideyno-politicheskiy kontsept ["The third neighbor" of Mongolia as an ideological and political concept]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 420, pp. 125-130. (in Russian)

8. Fartyshev A.N. Irkutskaya oblast v kontseptsii "Ekonomicheskiy poyas shelkovogo puti" i proekte "Novyy Angarstroy" [Irkutsk region in the conception "Silk Road" Economic Belt]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* [The bulletin of Irkutsk State University. Series: Political science and religion studies], 2018, vol. 26, pp. 37-45. (in Russian)

9. Haggett P. *Prostranstvennyy analiz v ekonomicheskoy geografii* [Locational Analysis in Human Geography]. Moscow, Progress Publ., 1968, 392 p. (in Russian)

10. Bezrukov L.A. The geographical implications of the creation of "Greater Eurasia". *Geography and natural resources*, 2018, vol. 39, no. 4, pp. 287-295.

11. Emerson M. Toward a Greater Eurasia. *Global Journal of Emerging Market Economies*, 2014, vol. 6, no. 1, pp. 35-68.

12. Krickovic A., Pellicciari I. From "Greater Europe" to "Greater Eurasia": Status concerns and the evolution of Russia's approach to alignment and regional integration. *Journal of Eurasian Studies*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 86-99.

13. Lukin A. Eurasia – from confrontation to partnership. *Journal of Eurasian Studies*, 2018, vol. 9, no 2, pp. 83-84.

14. Syssoeva N.M. Institutional problems of regional development in Russia. *Quaestiones Geographicae*, 2010, vol. 29, no. 2, pp. 19-25.

15. Tsvyk A.V. "Greater Europe" or "Greater Eurasia"? In search of new ideas for the Eurasian integration. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya* [RUDN Journal of Sociology], 2018, vol. 18, no. 2, pp. 262-270. (in Russian)

Фартышев Арсений Николаевич

кандидат географических наук, научный сотрудник, лаборатория георесурсоведения и политической географии

Институт географии им. В. Б. Сочавы
СО РАН

Российская Федерация, 664033,

г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1

доцент, кафедра истории, политологии
и регионоведения

Иркутский государственный университет

Российская Федерация, 664003, г. Иркутск,

ул. К. Маркса, 1

e-mail: fartyshev.an@gmail.com

Fartyshev Arseniy Nikolaevich

Candidate of Sciences (Geography),
Researcher, Laboratory of Geo-Resource
Studies and Political Geography

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS
1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033,
Russian Federation

Associate Professor, Department of Political
Science, History and Regional Studies

Irkutsk State University

1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,

Russian Federation

e-mail: fartyshev.an@gmail.com

Дата поступления: 01.06.2021

Received: June, 01, 2021